

«Творить с большим размышлением»

Безлепкин Николай Иванович

Северо-Западный институт управления — филиал РАНХиГС (Санкт-Петербург)

Научный редактор издательско-полиграфического центра

Доктор философских наук, профессор

nick-bezlepkin@yandex.ru

РЕФЕРАТ

Статья посвящена рассмотрению философских взглядов Н.В. Гоголя. На основе анализа литературных произведений великого русского писателя выделяются его философско-антропологические, историософские, эстетические и нравственно-религиозные взгляды в эволюции. В своих философских взглядах Н.В. Гоголь исходил из представления о том, что к преобразованию общества ведут не изменения его внешней структуры, а внутренние перемены в человеке.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

исторический индивидуализм, эстетическая антропология, христианская антропология, историософия, эстетический гуманизм, персонализм, церковь, социальная утопия, западная цивилизация

Bezlepkin N. I.

«To Create with Big Reflection»

Bezlepkin Nikolay Ivanovich

North-West Institute of Management — branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Saint-Petersburg, Russian Federation)

Scientific Editor of the publishing and printing Center

Doctor of science (philosophy), professor

nick-bezlepkin@yandex.ru

ABSTRACT

Article is devoted to consideration of philosophical views of N. V. Gogol. On the basis of the analysis of literary works of the great Russian writer his philosophical and anthropological, historical, esthetic and moral and religious views in their evolution are allocated. In the philosophical views N. V. Gogol proceeded from representation that to transformation of society not changes of its external structure, but internal changes in the person conduct.

KEYWORDS

Historical individualism, esthetic anthropology, Christian anthropology, historiosophy, esthetic humanity, personalism, church, social utopia, western civilization

Творчеству Н.В. Гоголя (1809–1852), как и творчеству большинства классиков русской литературы, присущ важный пласт философских размышлений, представляющий собой осмысление в художественной форме основных проблем бытия. Произведения великого русского классика имеют «два аспекта: первый — это собственно художественная проза как таковая, явленные ею образы и картины»; другой аспект — «миросозерцательный, метафизический, философский» [6]. Вычленение в литературном наследии Николая Васильевича Гоголя миросозерцательного, философского аспекта в большинстве исследований сводится либо к религиозно-философскому, либо к эстетическому анализу произведений. Однако его творчество охватывает значительно более широкий круг философских идей.

Помимо В.Г. Белинского и Н.Г. Чернышевского, в чьих работах впервые было обращено внимание на социально-философские идеи Н.В. Гоголя, значительный

вклад в исследование его философского наследия внесли представители религиозно-философского ренессанса — В. В. Розанов, Е. Н. Трубецкой, Д. С. Мережковский, Н. А. Бердяев, И. А. Ильин, С. Л. Франк, В. Н. Ильин, чье внимание преимущественно было обращено на фигуру Гоголя как мыслителя. Литературная и философская критика Серебряного века способствовала формированию религиозно-метафизического взгляда на творчество великого русского классика.

Первой ступенью на пути нового осмысления наследия Н. В. Гоголя стал «гоголевский манифест» символистов — юбилейный номер журнала «Весы» за апрель 1909 г. В нем декларировался тезис о том, что наступило время Гоголя. Философские идеи Н. В. Гоголя посредством анализа скрытых философских смыслов в произведениях писателя стали предметом изучения русских символистов А. Белого и А. Блока. Существенный вклад в изучение философско-литературного наследия внесли В. В. Зеньковский, Д. И. Чижевский, В. В. Гиппиус, С. А. Венгеров, Д. Н. Овсянко-Куликовский, П. М. Бицилли, К. В. Мочульский. С середины XX в. философские аспекты творчества Н. В. Гоголя находят отражение в трудах М. М. Бахтина, Г. А. Гуковского, В. Н. Топорова, И. П. Золотусского, В. А. Воропаева, Ю. В. Манна, В. В. Набокова, А. Терца, М. М. Дунаева, Г. Н. Щегловой, Е. И. Анненковой, исследования которых открыли новые стороны в философском осмыслении художественного и публицистического наследия писателя.

Философские искания Гоголя его современниками, как например В. Г. Белинским, оценивались как недоработанные, не до конца осмысленные и порой противоречивые, что, однако, не снижает их значимости. У Гоголя не было собственной философской системы, всесторонне и глубоко продуманной, но он был мыслителем, сумевшим подняться до глубоких идейных обобщений. Гоголь не позволял себе довольствоваться только художественными успехами. Его цель, как подчеркивает В. В. Зеньковский, заключалась не в том, чтобы «создать совершеннейшее произведение искусства, а в том, чтобы произвести определенное воздействие на русское общество» [10, с. 202]. Общественная реакция на его произведения вновь и вновь заставляла Гоголя искать способы исправления нравов в России, принуждала, как он сам отмечал, «творить с большим размышлением».

С этой точки зрения было бы неверным выделять те или иные произведения Н. В. Гоголя как более или менее философичные, поскольку все они содержат «миросозерцательный, метафизический, философский» аспект, в той или иной мере освещающий философско-антропологические, историософские, эстетические и нравственно-религиозные взгляды великого русского писателя в их эволюции. По мнению В. В. Зеньковского, для развития миросозерцания Гоголя, в полной мере отразившегося в его творчестве, характерно наличие двух периодов — периода «эстетического романтизма», который сформировался под влиянием немецких романтиков и длился с 1836 до 1840 г., когда произошел религиозный перелом, знаменовавший наступление нового этапа творения «с большим размышлением» [10, с. 190]. Противоположную точку зрения высказывал К. В. Мочульский, полагавший, что творчество Гоголя цельно, что не может существовать «двух» Гоголей — до «Выбранных мест из переписки с друзьями» и после них [13].

Цельность миросозерцания Н. В. Гоголя наглядно прослеживается прежде всего в последовательном интересе писателя к проблемам человека. Его философская антропология эволюционирует от «эстетической антропологии» (В. Зеньковский) к христианской.

Первый период формирования философского мировоззрения Н. В. Гоголя был временем эстетического романтизма, периодом моральных исканий, сформировавшихся под влиянием немецкого романтизма, а также собственных размышлений писателя о человеке. Начало первого периода ознаменовалось выходом поэмы «Ганц Кюхельгартен» (1828 г.), которая представляла собою сти-

лизацию немецкого романтизма с целью философского анализа эстетических потребностей человека.

Обращение Н. В. Гоголя к романтизму было исходным пунктом его философской эволюции. Философская основа русского романтизма заключалась, по Н. В. Гоголю, в акцентировании внимания на понятии народа, нации как исходного принципа философствования, развитого позднее в трудах славянофилов. Это была принципиальная переориентация и отход от идеологии Просвещения, опирающего в своих философских построениях главным образом на понятия «общество» и «общественный договор», что подтверждается анализом ранних произведений Н. В. Гоголя, в которых показывается судьба человека, пережившего столкновение малого мира собственной души и большого мира человеческой жизни.

Гоголь, исповедуя идеи эстетического гуманизма, исходил из утопического представления о возможности преобразования жизни под воздействием искусства. В статье «Об архитектуре нового времени» (1831) он писал: «Великолепие повергает простолюдина в какое-то онемение — и оно-то и есть единственная пружина, двигающая диким человеком. Необыкновенное поражает всякого...» [7, VIII. с. 66]. Идеи романтизма о присущих человеку «девственных силах» писателем переосмысливаются как те «первичные» силы души, благодаря которым «работает вся история и совершаются все события». «Поэтическая сила, живущая во всякой душе», идет ли речь о Черткове из рассказа «Портрет», или Андрии из «Тараса Бульбы», Акакии Акакиевиче из «Шинели» или даже Чичикове из «Мертвых душ» — всюду Гоголь находил эту таинственную силу, способную подвинуть человека на преобразование своей жизни. В эстетической отзывчивости души писатель видел творческую силу, способную изменить как самого человека, так и его жизнь.

Переоценка роли «первичных» сил души объясняет тот кризис, который пережил Н. В. Гоголь после выхода «Ревизора». Писатель хотел влиять силой искусства. Он хотел учить публику, вооружать ее своими идеалами, ему казалось, что «Ревизор» «произведет какое-то немедленное и решительное действие! Россия увидит в зеркале комедии свои грехи и вся, как один человек, рухнет на колени, зальется покаянными слезами и мгновенно переродится!» [13]. Но произошло все наоборот. «Ревизор», имевший шумный успех, был принят за обыкновенный фарс, комедия Гоголя чередовалась в репертуаре театров с теми водевилями и пьесками, которые он пародировал в своей пьесе.

Эстетическая антропология великого русского писателя, основанная на вере в человека, на поиске красоты, носила не только утопический, но и противоречивый характер. С одной стороны, Гоголь верил в исцеляющую силу любви и красоты. С другой — остро ощущал трагизм любви и двусмысленность красоты в нашем мире. «В чем тайна красоты?» — спрашивает Гоголь в «Вие». И в «Невском проспекте» отвечает: красота — божественного происхождения; но в нашей «ужасной жизни» она извращена «адским духом». Принять такую жизнь нельзя. Если нужно выбирать между «мечтою» и «существенностью», то художник выбирает мечту. Художник Пискарев, романтик-идеалист и мечтатель, принимает женщину с Невского проспекта за «святыню» и «божество». Для его эстетического сознания красота есть высшая ценность, абсолют; она — откровение Бога на земле; поклонение красоте, любовь к прекрасной женщине равна религиозному служению. Но вот Пискареву раскрывается иная правда: в этом мире «божественные черты» могут принадлежать развратнице, ведущей «низкую и презренную жизнь». «Красавица, так околдовавшая бедного Пискарева, была, действительно, чудесное, необыкновенное явление... Она бы составила неоцененный перл, весь мир, весь рай, все богатство страстного супруга... Она бы составила божество в многолюдном зале... Но увы! она была какою-то ужасной волею адского духа, жаждущего разрушить гармонию жизни, брошена с хохотом в его пучину» [7, III, с. 22]. В нашей «ужасной

жизни» красота, эта небесная гостя, считает Гоголь, находится во власти злых сил; она губит всех, кто к ней приближается. Пискарёв сначала пытался уйти от нее в сны, потом в видения, порожденные опиумом; но бегство не спасло его. Кончилось тем, что Пискарёв был однажды найден с перерезанным горлом.

Гоголь приходит к выводу: «Лучше бы ты (красавица) вовсе не существовала! не жила в мире, а была создание вдохновенного художника» [7, III, с. 361]. Злая красота нашего мира губит, возбуждая в сердцах людей «ужасную, разрушительную» силу — любовь. Вариации этой темы даны в «Тарасе Бульбе» и в «Записках сумасшедшего». Для Андрия зов красоты сильнее чести, веры, родины. От одного дыхания красивой полячки рушатся все его нравственные устои; Гоголь показывает, что красота по самой своей природе аморальна. Как отмечает в своем исследовании Ю.В. Манн, Гоголю с молодых лет «было свойственно острое ощущение женской красоты — источника вдохновения, бурных переживаний и одновременно опасного соблазна и гибельной угрозы. ...Его не оставляло ощущение трагического несоответствия красоты и моральной правды, но в то же время возникала и мучительная потребность преодолеть эту коллизию. Опору нужно найти в самой красоте, если поставить на службу высокой религиозной нравственности всю силу женского очарования, бездну чувственности, небесного и в то же время вполне земного вдохновения» [12, с. 108].

Невозможность преображения жизни посредством эстетических переживаний вынудила Гоголя отказаться от возвеличивания искусства и искать пути к его подчинению высшим религиозным задачам. Как отмечает В. Зеньковский, «это религиозное призвание поэзии, искусства вообще преодолевает принцип автономии эстетической сферы и связывает ее со всей целостной жизнью духа, т. е. сферой религиозной» [10, с. 197]. Эстетическая антропология у Гоголя уступает место христианской, для которой характерно сочетание морализма и эстетизма, основывающихся на служении Богу. Эстетические переживания в сочетании с напряженным моральным сознанием, по мысли русского классика, только и способны изменить человека, помочь ему преодолеть «разъединенность красоты и добра».

Впервые Гоголь предположил возможность морального влияния искусства в статье «Скульптура, живопись и музыка». Он подчеркивает невозможность служения искусству без разумения высшей цели; понимания, зачем дано искусство. Высшую цель автор видел в служении Богу. Искусство является для него «ступенями к христианству» — в этом и заключается, по его мнению, религиозная функция искусства. Литературное творчество для Гоголя — это своего рода религиозное поучение, в котором происходит борьба добра со злом: сатана связан и предан осмеянию («Ночь перед Рождеством»), бесы посрамлены («Сорочинская ярмарка»), нечистая сила обезврежена и порок наказан («Вий»). В отступлении от евангельского завета любви к ближнему Н.В. Гоголь видел как трагизм истории, так и антропологическую катастрофу, наступлению которой противостоит «удерживающая православная культура», ценностный смысл которой показан Н.В. Гоголем в повести «Старосветские помещики» (1832–1835). Гоголь пишет: «...по странному устройству вещей, всегда ничтожные причины рождали великие события и, наоборот, великие предприятия оканчивались ничтожными следствиями. Какой-нибудь завоеватель собирает все силы своего государства, воюет несколько лет, полководцы его прославляются, и наконец все это оканчивается приобретением клочка земли, на котором негде посеять картофеля; а иногда, напротив, два какие-нибудь колбасника двух городов подерутся между собой за вздор, и ссора объемлет наконец города, потом веси и деревни, а там и целое государство» [7, II, с. 28]. Писатель иронизирует над такой историей, над великими историческими событиями, цель которых убийство. Философский смысл истории Гоголь видит в идее мира, в торжестве согласия и примирения. Его размышления о принципиальных отличиях

между самобытной («старосветской») культурой России и новейшим европейским «просвещением» «цивилизованного» Петербурга, между «несовременным», но культурно ценным Римом и духовно пустым, суетным Парижем в повести «Рим» (1842), приводят его к выводу, что духовная деградация мира может быть остановлена любовью, которая выполняет миссию «удерживающей культуры».

Гоголь верил в возможность преображения пошлой и низкой действительности в мир возвышенный. А все бесчестия, столь талантливо выведенные писателем в своих произведениях, были связаны «с неразвитостью и нераскрытостью личности в России, с подавленностью образа человека» [4]. Как точно подметил Д. Чижевский, как ни ничтожен мир земной, но он, по Гоголю, только «испорчен». «Мерзости», «плуты», «подлые», «взяточники» — во всех них писатель считает необходимым прежде всего увидеть скрытое или искаженное добро. И основной путь — любовь к человеку. Может быть, иной совсем не рожден бесчестным человеком, может быть, одной капли любви к нему было бы достаточно для того, чтобы вернуть его на прямой путь, — полагал Н. В. Гоголь [17, с. 296–324].

В традициях отечественного гуманизма русский классик видел главную цель в том, чтобы начертать пути жизнеустройства, основываясь на постижении человеческой природы. Вот почему герои произведений великого русского писателя социальны. Чичиков, у Гоголя, есть «общая формула» «цивилизованного человека». Чичиковы, отмечает Н. А. Бердяев, «скупают и перепродают несуществующие богатства, они оперируют с фикциями, а не реальностями, они превращают в фикцию всю хозяйственно-экономическую жизнь России» [4]. Ради своей «шинели» (голландских рубаш и заграничного мыла) Чичиков пускается в аферу. Хотя по справедливому замечанию В. В. Набокова, «пытаясь покупать мертвецов в стране, где законно покупали и закладывали живых людей, Чичиков едва ли серьезно грешил с точки зрения морали» [14, с. 79]. Но Чичиков — единственный персонаж поэмы, который что-то делает. Гоголь угадывает в нем будущего буржуа и Русь-тройку он запряг, чтобы везла она Чичикова, — других не было. Из итальянского далека Гоголь взирал на родину взглядом государственного человека. «Чтобы Россия пришла в движение, чтобы и вправду посторонились другие народы и государства», надо, чтобы аллегорической тройкой управлял Чичиков — средний, рядовой, мелкий человек» [5, с. 139]. «Припряжем подлеца, — говорит Гоголь, пристраивая Чичикова к птице-тройке, — но сделаем так, чтобы в подлеце родился человек. Чтобы он, осознав низменность своей цели, направлял хватку, сметку, волю на подвиг христианского труда и государственного строительства» [Там же].

Русские писатели и философы всегда пытались раскрыть феномен человека, полагая, что без постижения сущности личности нельзя обсуждать другие вопросы. Подобный персонализм характерен для русской литературы и философии, особенность которой — в повышенной религиозности. Вот почему в центре внимания постоянно оказывался не столько человек как природное существо, сколько неисчерпаемый духовный опыт личности, смысл индивидуального и коллективного бытия. Мочульский в своей работе «Духовный путь Гоголя» отмечает, что ядро классической русской культуры связано не с образом «внешнего» человека и идеей радикального преобразования общества, как это виделось, например, В. Г. Белинскому, а с мотивом христианского совершенствования личности [13]. Проблема человека у Гоголя, как и в целом в отечественной философской мысли, характеризуется обостренным интересом к внутреннему миру личности, его душе, причем личность и народ, нравственность и свобода рассматривались в русской философской антропологии в тесной связи с проблемой исторической судьбы России.

Христианская антропология не случайно занимает значительное место в творчестве писателя, ибо с ней связаны духовный путь Гоголя и понимание им смыслов «душевного воспитания» (термин, впервые использованный автором в 1842 г. и став-

ший излюбленным). Внутренние душевные изыскания заставили его в некоторой степени пересмотреть свои воззрения относительно писательства. Гоголь начал пересмотр своих воззрений с самого себя. Морализм, выросший из повышенного личного самосознания, начинает все больше обращаться на самого себя, на свое «душевное воспитание».

Здесь отчетливо проявилась логика религиозного сознания — его исходным пунктом является новая оценка своего внутреннего мира, новое самосознание. Стремление к изложению своего нового мирозерцания нашло отражение в избранных письмах к друзьям, дополненных новыми статьями в издании, получившем название «Выбранные места из переписки с друзьями» (1847), которое знаменовало как завершение эволюции философского воззрения писателя, так и обращение к историософскому анализу наиболее значимых сторон мировой цивилизации и российского общества. По мысли Е. И. Анненковой, эта книга предстает «как некое особое явление, в котором две ведущие тенденции времени — интерес к общественной проблематике и поиск религиозно-духовного содержания жизни — предстали... в единстве» [1, с. 8]. Гоголь, завершая работу над «Выбранными местами из переписки с друзьями», отмечал: «Печатаю я ее в твердом убеждении, что книга моя нужна и полезна России именно в нынешнее время» [7, XIII, с. 177]. От скрытой рефлексии в ранних произведениях писатель приходит к открытой проповеди, главным вопросом которой является проблема обустройства России.

Новый этап творчества Н. В. Гоголя основывался на убеждении, согласно которому общество преобразуется не изменениями его внешней структуры, а внутренними переменами в человеке. «То нечеловеческое хамство, которое увидел Гоголь, — подчеркивал Н. А. Бердяев, — не есть порождение старого строя, не обусловлено причинами социальными и политическими, наоборот, — оно породило все, что было дурного в старом строе, оно отпечатлелось на политических и социальных формах» [4]. Книга «Выбранные места из переписки с друзьями», представлявшая плод одиннадцатилетних размышлений русского писателя, явила собой изложение социальной утопии, основной частью которой являлся проект общества с тотальной «домостроевской» регламентацией всех сторон бытия, в котором идеальное государство мыслилось как земное подобие Небесного Царства, а идеальный монарх — как проповедник идей Бога. Отсюда метафизическое и теологическое обоснование царской власти и социальной иерархии. Основное содержание книги можно определить как поиск будущей духовной сущности России. К. В. Мочульский видит в книге Н. В. Гоголя «плод долголетней нравственной рефлексии большого духовного опыта», а также «необыкновенную силу» и «напряженность» нравственного сознания автора, который переживает «чувство своей ответственности за зло» [13].

Никакой «перепиской с друзьями» Гоголь в этой книге не пользовался, только очень немногие статьи варьируют отдельные мысли, ранее вошедшие в действительные письма. Это чисто литературное произведение — ряд статей, которым — и то не всем — придана лишь форма писем, иногда к реальным, а иногда к мнимым адресатам. Структурно книга Н. В. Гоголя построена на основе анализа состояния художественной литературы, социального статуса помещика, роли женщины в социализации и сохранении культуры, способной воздействовать на мир, наконец, просветительской функции религии как хранительницы духовной культуры народа. В своей книге Н. В. Гоголь возрождает библейскую традицию пророческих обличений и апостольских проповедей и уже в первых главах заявляет о своем желании воздействовать на общество. Писатель разрабатывает различные формы влияния на общество: влияние женщины в свете; влияние «губернаторши», изгоняющей взятки и несправедливости; влияние поэта; влияние «публичного чтения», от которого потрясутся и те, которые не потрясались никогда от звуков поэзии» [7, VIII, с. 234]; влияние писателей-драматургов на общество; влияние на паству церкви;

влияние на человека «страданий и горя», которыми «определено нам добывать крупницы мудрости, не приобретаемой в книгах» [7, VIII, с. 282]. Программа борьбы со злом, по Гоголю, «должна быть самая простая, практическая, утилитарная... Искусство, литература, эстетика — не автономны; существование их оправдывается только пользой, которую они приносят человечеству» [Там же].

«Выбранные места из переписки с друзьями» наиболее полно отражают исторические взгляды Н.В. Гоголя. Хотя еще в ранний период своего творчества писатель обращается к их изложению, занимаясь преподаванием в Патриотическом институте и Петербургском университете. Выраженное в его произведениях отношение к истории занимает важное место в его творчестве, является отражением интереса к мировой истории и месту в ней человека.

В лекции о багдадском калифе Ал-Мамуне, прочитанной в Петербургском университете, на которой присутствовали А.С. Пушкин и В.А. Жуковский, Гоголь характеризовал этого правителя как покровителя наук, исполненного «жажды просвещения», видевшего в науках «верный путеводитель» к счастью своих подданных. Однако калиф, по мысли Гоголя, способствовал разрушению своего государства: «Он упустил из вида великую истину: что образование черпается из самого же народа, что просвещение наносное должно быть в такой степени заимствовано, сколько может оно помогать собственному развитию, но что развиваться народ должен из своих же национальных стихий» [7, VIII, с. 79]. Подобные мысли Гоголь высказывал и позднее. В программной статье «О преподавании всеобщей истории» (1835) Гоголь писал, что цель его — образовать сердца юных слушателей, чтобы «не изменили они своему долгу, своей вере, своей благородной чести и своей клятве — быть верными своему отечеству и государю» [7, VIII, с. 39]. История человечества изображена в ней, как история народов. Но при этом все-таки доминировал исторический индивидуализм в ее освещении. Роль народов у Гоголя сведена к роли сплошных косных масс, которые или идут за вождями, или подавляются железной волей личностей. Кир, Александр, Колумб, Лютер, Людовик XIV, Наполеон — вот по его схеме вехи мировой истории.

Исторический индивидуализм Гоголя проистекал из его философской антропологии, где человек словно отказывается от самостоятельного, сознательного восприятия действительности или, вернее, даже не подозревает, что это возможно. «Мало того, — отмечает П. М. Бицилли, — гоголевский человек и видит, в буквальном смысле слова, то, что перед ним, так, как ему сказано видеть... Без толчка извне гоголевский человек в большинстве случаев неспособен действовать... Все гоголевские люди — „мертвые души“» [6].

Историософские взгляды Гоголя, как и других его современников, в частности А.И. Герцена, формировались, как замечает В.К. Кантор, в период культурного противостояния, поэтому особый интерес они проявляли к проблеме смены двух миров — заката Древнего Рима и приходящим ему на смену варварам [11, с. 357]. В статье «О движении народов в конце V века» (1834), а затем в отрывке «Рим» Гоголь раскрывает значение греко-римской культуры на развитие других народов. Он пишет, что эта культура сумела пересоздать варварские племена Европы, вытаскив их из дикости, ибо «не умерла Италия, ...слышится ее неотразимое вечное владычество над всем миром, вечно веет над нею ее великий гений, уже в самом начале завязавший в груди ее судьбу Европы, внесший крест в европейские темные леса, захвативший гражданским багром на дальнем краю их дикообразного человека, закипевший здесь впервые всемирной торговлей, хитрой политикой и сложностью гражданских пружин, вознесшийся потом всем блеском ума, венчавший чело свое святым венцом поэзии и ... искусствами, ...которые дотоле не подымались из лона души его» [7, III, с. 242]. Постепенно это движение культуры стягивает в свою орбиту все страны, включая и Россию. Однако далее, с обостре-

нием социально-экономических и культурных противоречий как в России, так и в Западной Европе, позитивное влияние европейской культуры ставится Гоголем под сомнение.

Любопытен в этом смысле образ генерала Бетрищева во втором томе «Мертвых душ», который считал, что стоит только одеть русских мужиков в немецкие штаны, так сразу «науки возвысятся, торговля подымется и золотой век настанет в России». Прозападно ориентированная русская интеллигенция, по Гоголю, принадлежит к числу тех доморощенных умников, о которых Костанжогло — еще один персонаж второго тома «Мертвых душ», иронически замечал, что они, «не узнавши прежде своего, набираются дури вчуже». Необходимо, подчеркивал Гоголь, чтобы русский гражданин не только знал дела Европы, но прежде всего не упускал из вида русские начала, в противном случае «похвальная жадность знать чужеземное» не принесет добра: «И прежде и теперь я был уверен в том, что нужно очень хорошо и очень глубоко узнать свою русскую природу и что только с помощью этого знания можно почувствовать, что именно следует нам брать и заимствовать из Европы, которая сама этого не говорит» [7, VIII, с. 436].

В цикле «Петербургские повести» Н.В. Гоголь указывает на внутреннее опустошение Европы и растущую в ней власть прагматического мещанства, отказ от поиска «сокровищ на небе» и собирание «сокровищ земных», что чревато угрозой отпадения от Бога. Более всего это выразилось в эстетическом падении Европы и рождении пошлости. За наружным блеском и благоустройством Запада Гоголь усматривал зачатки социально-политических катастроф. «В Европе завариваются теперь повсюду такие сумятицы, — отмечал Гоголь, — что не поможет никакое человеческое средство, когда они вскроются, и перед ними будет ничтожная вещь те страхи, которые вам видятся теперь в России» [7, VIII с. 343–344]. Размышления Гоголя о губительности для человечества и прежде всего христианского мира успехов прогресса и цивилизации предвещали религиозно-философские сочинения К.Н. Леонтьева и искания богословов XX в. Критикуя современную ему западную цивилизацию, Н.В. Гоголь полагал, что только православие сохранило всю глубину христианства, препятствуя отходу человечества от Бога.

Гоголевское понимание исторического места России и утверждение ее мессианской роли в мире опираются не на внешние благоустройства, международный авторитет страны или ее военную мощь, а на духовные устои национального характера. Взгляд Гоголя на Россию — это прежде всего взгляд христианина, сознающего, что все материальные богатства должны быть подчинены высшей цели и направлены к ней. По замыслу Гоголя, постижение России возможно через познание природы русского характера, через национальный характер. По Гоголю, национальный характер не есть нечто раз и навсегда данное, неподвижное. Имея некоторые вечные, «субстанциональные» черты, он формируется и видоизменяется под влиянием определенных географических и исторических условий. Противопоставляя русский характер (а за ним и всю Россию) зарубежным странам, Гоголь отмечал, что Россия — еще «растопленный металл, не отлившийся в свою национальную форму», она еще имеет возможность выбросить, оттолкнуть от себя все неприличное и внести в себя то, что уже невозможно другим народам, получившим форму и закалившимся в ней. Здесь гоголевская мысль переключается с высказанной К.С. Аксаковым идеей о превосходстве русской нации перед другими народами и «вольному развитию» в рамках обширного географического пространства.

Находясь под влиянием славянофилов, Гоголь считает Россию страной, особо избранной Промыслом Божиим. «Зачем же ни Франция, ни Англия, ни Германия не заражены этим поветрием и не пророчествуют о себе, а пророчествует только одна Россия? Затем, что она сильнее других слышит Божию руку на всем что ни сбывается в ней и *чуует приближение иного царствия*: оттого и звуки становятся библей-

скими у наших поэтов». Россия ближе других стран подошла ко Христу; в народной душе бессознательно живет правда Христова. Русское государство — христианское, более того, «небесное государство», почти что царство Божие. «Служить теперь должен из нас всяк не так, как бы служил он в прежней России, но в другом небесном государстве, главой которого уже Сам Христос» [6]. Для Гоголя понятие христианства выше цивилизации. Залог самобытности России и главную ее духовную ценность он видел в православии. В такой характерной для Гоголя гиперболической форме выражена русская мессианская идея.

В «Выбранных местах из переписки с друзьями» Гоголь выступил в роли мыслителя, стремящегося к наилучшему устройству страны, установлению единственно правильной иерархии должностей, при которой каждый выполняет свой долг на своем месте и тем глубже сознает свою ответственность, чем это место выше. Вера в человека, хотя бы и находящегося в состоянии духовного сна, «есть тот принцип, — отмечает В. Зеньковский, — на котором стоял Гоголь, и, опираясь на него, он строил свой план „общего дела“, устройства жизни на христианских началах. Именно этот пафос положительного строительства определял у Гоголя и критику современности, и его мечтания о том, как „на каждом месте“ можно служить Христу и найти путь жизни» [10, с. 217]. Все вопросы жизни — бытовые, общественные, государственные, литературные — имели для него религиозно-нравственный смысл. Признавая и принимая существующий порядок вещей, он стремился к изменению общества через преобразование человека. Важно при этом то, что Гоголь в «Выбранных местах из переписки с друзьями» размышляет уже не только о «русском человеке» вообще, как это делали, в частности, славянофилы, но о человеке как таковом. И свою книгу писатель называл «пробным камнем для узнавания нынешнего человека» [7, XIII, с. 286].

В историософии Гоголя судьбы России, церкви и самодержавия тесно переплетены. Государь у него — «образ Божий» на земле, воплощающий собой не только долг, но и любовь. «Там только исцелится вполне народ, где постигнет монарх высшее значенье свое — быть образом Того на земле, Который Сам есть любовь» [7, VIII, с. 256].

Видя будущее России как теократического государства, Гоголь не скрывал своих симпатий к дворянству как образованному классу. В своем «истинно русском ядре», считал Гоголь, это сословие прекрасно, оно является хранителем «нравственного благородства» и требует особенного внимания со стороны Государя. Перед дворянством Гоголь ставил две задачи: «сослужить истинно благородную и высокую службу Царю», став «на неприманчивые места и должности, опозоренные низкими разночинцами» и войти в «истинно русские» отношения к крестьянам, «взглянуть на них, как отцы на детей своих» [7, VIII, с. 361–362].

Причины петровских преобразований он объяснял необходимостью «пробуждения» русского народа, а также тем, что «слишком вызрело европейское просвещение, слишком велик был наплыв его, чтобы не ворваться рано или поздно со всех сторон в Россию и не произвести без такого вождя, каков был Петр, гораздо большего разладу во всем, нежели какой действительно потом наступил...» [7, VIII, с. 369]. В крепостном праве Гоголь видел прямое следствие петровских преобразований и призывал подумать заблаговременно, чтобы «освобождение не было хуже рабства». В сохранившихся главах второго тома «Мертвых душ» помещик Хлобуев говорит о своих крестьянах: «Я бы их отпустил давно на волю, но из этого не будет никакого толку» [7, V, с. 415]. В то же время Гоголь неустанно говорил о священных обязанностях помещиков по отношению к крестьянам. Подлинную отмену крепостной зависимости он видел не в европейской пролетаризации русского крестьянства, а в превращении дворянских имений в монастырские по духу, где задача вечного спасения займет подобающее ему место.

Историсофские размышления Н.В. Гоголя носили консервативно-религиозный характер и выпадали из контекста современной ему социально-политической обстановки, что и вызвало бурную реакцию на публикацию «Выбранных мест из переписки с друзьями». Большинство упреков касались двух предметов — искажения российской действительности и клеветы на русский народ. Негативная реакция на книгу последовала как со стороны радикально настроенной интеллигенции, как, например, А.И. Герцена и В.Г. Белинского, так и со стороны клира, в частности, весьма негативно отозвался о книге отец Матвей Константиновский, сыгравший свою роль в сожжении писателем второго тома «Мертвых душ». Наиболее тяжелые обвинения последовали со стороны В.Г. Белинского, который в своем знаменитом письме писал: «От вашей книги отступились даже люди, по-видимому, одного духа с ее духом» [3, с. 6], имея в виду славянофилов, близких идейно и лично Гоголю того времени.

С выходом книги Н.В. Гоголя и резкого отклика на ее содержание в России началась эпоха, названная Н.А. Бердяевым, «новым средневековьем», а противостояние двух мыслителей — Гоголя и Белинского — знаменовало начало секуляризации отечественной культуры. Однако Д. Чижевский в статье «Неизвестный Гоголь» замечает, что книга Гоголя не была «проблесками безумия» и это отнюдь не реакционный политический шаг, а плод влияния на его творчество святоотеческой литературы и протестантских представлений [6].

Отношение к идеям Н.В. Гоголя показало, что русское общество распалось на два лагеря, позиции которых отличались отношением к проблеме религиозного призвания России. Очень немногие из современников писателя смогли понять умонастроение писателя. К их числу могут быть отнесены прежде всего П.Я. Чаадаев и А.С. Хомяков. Так, Чаадаев, будучи не вполне согласным с гоголевской оценкой русской церкви и ее положения в обществе, в письме к П.А. Вяземскому поддержал его восторженный тон рассуждений о Гоголе: «...При некоторых страницах слабых, а иных и даже грешных, в книге его находятся страницы красоты изумительной, полные правды беспредельной, страницы такие, что, читая их, радуешься и гордишься, что говоришь на том языке, на котором такие вещи говорятся» [12, с. 121]. В свою очередь Хомяков, ознакомившись с книгой, называет Гоголя «самостоятельным мыслителем».

По убеждению писателя, основная проблема современности — это отход от церкви, Гоголь считал, что именно православная церковь сохранила в себе полноту и чистоту христианства: «изумляюсь чудной возможности примирения противоречий». Понимание роли церкви — одно из основных положений религиозно-философских взглядов Н.В. Гоголя. Для него в понятие «церковь» вкладывается иное значение, нежели его понимал В.Г. Белинский. Если для Белинского характерно осмысление церкви как социального института, как иерархии и поборницы неравенства, врага и гонительницы братства между людьми, то для Гоголя понятие церкви носит скорее нарицательное значение, понимаемое как обобщение всего религиозно-мистического, что определяло его воззрения. Единственным условием духовного возрождения России, по мнению Гоголя, является «воцерковление» всей русской жизни. Вслед за славянофилами Гоголь в церкви видит способ нахождения себя. Близко Гоголю и осознание славянофилами сущности человеческого существования как «тварного бытия, освещаемого церковью как источником света».

Единственным условием духовного возрождения России Гоголь считал воцерковление русской жизни. «Есть примиритель всего внутри самой земли нашей, который покуда еще не всеми видим, — наша Церковь... В ней заключено все, что нужно для жизни истинно русской, во всех ее отношениях, начиная от государственного до простого семейственного, всему настрой, всему направление, всему законная и верная дорога» [7, VIII, с. 283–284]. Никакие благие преобразования

в стране невозможны без благословения церкви: «По мне, безумна и мысль ввести какое-нибудь нововведение в Россию, минуя нашу Церковь, не испросив у нее на то благословенья. Нелепо даже и к мыслям нашим прививать какие бы то ни было европейские идеи, покуда не окрестит их она светом Христовым» [7, VIII, с. 284].

В письме «Несколько слов о нашей Церкви и духовенстве» Гоголь подчеркивает особую роль церкви для русского народа. «Эта Церковь, которая, как целомудренная дева, сохранилась одна только от времен апостольских в непорочной первоначальной чистоте своей, эта Церковь, которая вся с своими глубокими догматами и малейшими обрядами наружными как бы снесена прямо с Неба для русского народа, которая одна в силах разрешить все узлы недоумения и вопросы наши, которая может произвести неслыханное чудо в виду всей Европы, заставив у нас всякое сословье, званье и должность войти в их законные границы и пределы и, не изменив ничего в государстве, дать силу России изумить весь мир согласной стройностью того же самого организма, которым она доселе пугала, — и эта Церковь нами незнаема! И эту Церковь, созданную для жизни, мы до сих пор не ввели в нашу жизнь!» [7, VIII, с. 246].

Идеал воцерковления всей русской жизни, выдвинутый Гоголем, основан на его глубоком убеждении в соборности церкви. Люди — братья, живущие друг для друга, связанные общей виной перед Господом, круговой порукой и ответственностью. Всякий индивидуализм и эгоистическая обособленность — от дьявола. В духовной области нет частной собственности: все Божие, все дары посылаются для всех. С горечью пишет Гоголь в «Выбранных местах...» об отсутствии подобного соборного согласия, о том хаосе и разладе, который царит вокруг и который впоследствии Достоевский назовет «обособлением»: «Теперь все между собой в ссоре, и всяк друг на друга лжет и клеветает беспощадно... Все перессорились: дворяне у нас между собой, как кошки с собаками; купцы между собой, как кошки с собаками; мещане между собой, как кошки с собаками... Даже честные и добрые люди между собой в разладе; только между плутами видится что-то похожее на дружбу и соединение в то время, когда кого-нибудь из них сильно станут преследовать» [7, VIII, с. 304–305].

Один из источников подобной разобщенности и вражды — это роскошь, считает Гоголь, к искоренению которой необходимо стремиться каждому: «Гоните эту гадкую скверную роскошь, эту язву России, источнику взяток, несправедливостей и мерзостей, какие у нас есть. Если вам только одно это удастся сделать, то вы уже более принесете существенной пользы, чем сама княгиня О. А это, как вы сами видите, даже не требует никаких пожертвований, даже и времени не отнимает» [7, VIII, с. 309–310]. Вместе с тем Гоголь призывает не отчаиваться и не приходить в смущение от внешних беспорядков, но стараться навести порядок в собственной душе: «Недурно заглянуть всякому из нас в свою собственную душу. Загляните также и вы в свою. Бог весть, может быть, там увидите такой же беспорядок, за который браните других... Не бежать на корабле из земли своей, спасая свое презренное земное имущество, но, спасая свою душу, не выходя вон из государства, должен всяк из нас спасать себя самого в самом сердце государства» [7, VIII, с. 344–345]. Свои надежды на спасение души писатель связывает с природой русского человека, который, по его словам, так умеет быть благодарным за всякое добро и который, как только заметит, что другой проявляет к нему участие, сам уже готов чуть не просить прощения.

«Выбранные места из переписки с друзьями» не стали духовным манифестом своего времени, хотя Н. В. Гоголь и пытался с ее помощью выстроить модель развития России на основе ценностей православной культуры, что сделало его провозвестником идеи необходимости сохранения цельности духовной культуры, ее религиозном обосновании, устройстве общества на основе церковной соборности,

преображении мира путем внутреннего просветления человека, иерархическом строении государства и верховной власти. По мнению К. В. Мочульского, «Гоголь создает стройную и полную систему религиозно-нравственного мировоззрения. Ее можно принимать или отвергать, но нельзя отрицать ее значительности. „Переписка“ есть плод долголетней, напряженной нравственной рефлексии, большого духовного опыта. В нравственной области Гоголь был гениально одарен; ему было суждено круто повернуть всю русскую литературу от эстетики к религии, сдвинуть ее с пути Пушкина на путь Достоевского. Все черты, характеризующие „великую русскую литературу“, ставшую мировой, были намечены Гоголем: ее религиозно-нравственный строй, ее гражданственность и общественность, ее боевой и практический характер, ее пророческий пафос и мессианство» [13]. В этой связи великий русский критик Н. Г. Чернышевский в книге «Эстетические отношения искусства к действительности» подчеркивал, что произведения искусства, наряду с тем, что они «воспроизводят жизнь и объясняют ее», имеют еще и третье значение — «значение приговора о явлении жизни» [16]. Произведения Н. В. Гоголя в полной мере являлись приговором явлениям российской действительности, имели пророческий смысл.

Философское мирозерцание Гоголя во всей полноте и оригинальности проявились и в отношении к языку. Лингво-философские размышления Гоголя имеют сегодня особую актуальность. Споры о национальной принадлежности Н. В. Гоголя к русской классической или к украинской национальной литературе не затихают по сей день. В последние годы широко дискутируется вопрос, почему Гоголь писал на русском языке. В этой связи можно сослаться на мнение известного историка-слависта, академика В. И. Ламанского (1833–1914), который находил, что гениальность Гоголя проявилась именно в его сознательном отказе от «украинской мовы» в пользу общерусского литературного языка. Гоголь стремился выработать такой стиль, чтобы в нем сливались стихии церковнославянского и народного языка, что совершенно естественно для русской литературной классики. Это подтверждается, в частности, собранными им «Материалами для словаря русского языка», где представлены слова и диалектные, и церковнославянские (составлять такой словарь Гоголь начал задолго до В. И. Даля). По Гоголю, характерное свойство русского языка — «самые смелые переходы от возвышенного до простого в одной и той же речи» [7, VIII, с. 233]. При этом он подчеркивал, что под русским языком разумеет «не тот язык, который изворачивается теперь в житейском обиходе, и не книжный язык, и не язык, образовавшийся во время всяких злоупотреблений наших, но тот истинно русский язык, который незримо носится по всей Русской земле, несмотря на чужеземствование наше в земле своей, который еще не прикасается к делу жизни нашей, но, однако ж, все слышат, что он истинно русский язык...» [7, VIII, с. 358].

Гоголь также полностью отдавал себе отчет в том, что как несовершенство его собственного украинского, так и «невыработанность» тогдашнего украинского литературного языка в целом стали бы барьером на его писательском пути, препятствовали бы решению тех универсальных задач, которые он с самого начала ставил перед собою, что они ограничили бы сферу влияния его слова, которое не услышит и не оценит вся Россия, тем более — все человечество [2]. В. В. Набоков в этой связи замечал, что «надо благодарить судьбу (и жажду писателя обрести мировую славу) за то, что он не обратился к украинским диалектизмам как средству выражения, ибо тогда бы он пропал» [14, с. 53].

«Честь сохранения славянского языка принадлежит исключительно русским», — говорил Гоголь. Эти пророческие слова спустя несколько десятилетий повторил замечательный русский ученый-лингвист князь Н. С. Трубецкой: «Русский литературный язык в конечном счете является прямым преемником староцерковнославянского языка, созданного свв. славянскими первоучителями в качестве общего

литературного языка для всех славянских племен эпохи конца праславянского единства» [15, с. 69].

В осознании значения церковнославянского языка в формировании русского литературного языка Гоголь опередил свое время. Для Гоголя русский литературный язык — единственный и прямой наследник церковнославянского языка, который в славянском мире иногда называли русским и который был общеславянским книжным (литературным) языком. Мысли эти получили признание и развитие у лингвистов нашего времени (академик Н. И. Толстой, Е. М. Верещагин и др.). Напомним в этой связи слова Гоголя, сказанные в разговоре со своим земляком О. М. Бодянским, профессором истории и литературы славянских наречий Московского университета: «Нам, Осип Максимович, надо писать по-русски... надо стремиться к поддержке и упрочению одного, владычного языка для всех родных нам племен. Доминантой для русских, чехов, украинцев и сербов должна быть единая святыня — язык Пушкина, какою является Евангелие для всех христиан...» [9, с. 479]. Эти мысли легли в основу характеристики Гоголем русского языка в статье «В чем же наконец существо русской поэзии и в чем ее особенность» (1846): «Необыкновенный язык наш есть еще тайна... Он беспределен и может, живой как жизнь, обогащаться ежеминутно, почерпая, с одной стороны, высокие слова из языка церковно-библейского, а с другой стороны выбирая на выбор меткие названия из бесчисленных своих наречий, рассыпанных по нашим провинциям, имея возможность таким образом в одной и той же речи восходить до высоты, не доступной никакому другому языку, и опускаться до простоты, ощутительной осязанию непонятливейшего человека...» [7, VIII, с. 408–409].

Н. В. Гоголь, воспринявший от А. С. Пушкина его язык, сам стал продолжателем дела создания общенационального русского языка. Гоголевский язык как явление представлял собою новое явление, стоящее особняком в общем процессе развития русского литературного языка и именно потому оказавшего на него обогащающее воздействие. Писателя восхищало уникальное свойство русского языка — делать самые неожиданные переходы от возвышенного до простого в одной и той же речи. Под русским языком Николай Васильевич понимал не язык житейского обихода, и не книжный язык, а тот истинно русский язык, который «незримо носится по всей Русской земле», несмотря на все попытки его извратить и засорить иностранными заимствованиями [7, VIII, с. 358].

Гоголь, где только мог, писал о Руси, русском человеке, русской земле, русской душе и духе. Его «Тарас Бульба», по верному наблюдению современных исследователей, «оказался языческим русским эпосом, которого так не хватало российской письменной литературе и который произвел главный дефицит русской словесности — сильных нерассуждающих героев, красивых, как в скандинавских сагах, во всех измерениях» [5, с. 130]. С вершин истории отечественной литературы гоголевский «Тарас Бульба» оценивается как идеологическое, патриотическое произведение высокого качества, которому нет равных [5, с. 128, 130]. Примечательно, что в современном переводе этого произведения, осуществленного в 1998 г. в киевском издательстве Ивана Малковича, из классического текста повести удалено все, что содержит корень рус — русские: земля, человек, дух, вместо которых использованы выражения: «Козацька Земля», «Україна», «наша земля», «козацька душа»; «Новороссия» трансформировалась в «увесь той простор», «русская сила» — в «козацьку силу», «князя русского рода» превратились в «князів нашего роду», «православная русская вера» переводчиком вообще опущена.

Однако хорошо известно, что подлинно национальная литература не существует вне национального языка, что язык это не просто система мертвых знаков, инертных по отношению к передаваемой ими информации, а выражение человеческого духа во всей его глубине и бесконечном разнообразии, в том числе духа нацио-

нального. Иначе говоря, как утверждал еще В. Гумбольдт, «...различные языки по своей сути, по своему влиянию на познание и на чувства являются в действительности различными мировидениями» [8, с. 370]. Вот почему попытки абсолютизации чисто этнического критерия — в отрыве от языкового — для определения принадлежности писателя к той или иной национальной литературе (в случае Гоголя — к украинской) несостоятельны, если не конъюнктурны.

Обращение к философским аспектам творчества великого русского писателя Н.В. Гоголя позволяет существенно расширить как горизонты понимания произведений писателя, так и проникнуться его пророческими идеями. Гоголь не только вынес «приговор явления русской жизни», но и сумел показать пути переустройства российской жизни на основе красоты, любви к человеку, служения Отечеству. Призыв Гоголя, обращенный на себя — «творить с большим размышлением», вполне может быть воспринят каждым, как неперемное условие осознанного образа жизни, способности рефлексировать окружающий мир и самого себя.

Литература

1. Анненкова Е.И. Гоголь и русское общество. СПб. : ООО «Изд-во «Росток», 2012.
2. Барабаш Ю. «Своего языка не знает...», или Почему Гоголь писал по-русски? // Вопросы литературы. 2011. № 1.
3. Белинский В.Г. Письмо к Гоголю. М. : Изд. Художественной литературы, 1956.
4. Бердяев Н.А. Духи русской революции [Электронный ресурс]. URL: http://elib.spbstu.ru/dl/327/Theme_9/Sources/Berdajev_duhi.pdf (дата обращения: 10.09.2015).
5. Вайль П., Генис А. Родная речь: Уроки изящной словесности. М. : Изд-во Колибри, Азбука-Аттикус, 2011.
6. Воропаев В.А. Русская эмиграция о Гоголе [Электронный ресурс]. URL: <http://www.portal-slovo.ru> (дата обращения: 07.09.2015).
7. Гоголь Н.В. Полн. собр. соч. В 14 т. М. : Изд-во АН СССР, 1952.
8. Гумбольдт В. Язык и философия культуры. М. : Прогресс, 1985.
9. Данилевский Г.П. Знакомство с Гоголем (Из литературных воспоминаний) // Исторический Вестник. 1886. № 12.
10. Зеньковский В.В. Русские мыслители и Европа. М. : Республика, 1997.
11. Кантор В.К. Русская классика, или Бытие России. М. : «Российская политическая энциклопедия», 2005.
12. Манн Ю.В. Гоголь. Книга третья. Завершение пути: 1845–1852. М. : РГГУ, 2013.
13. Мочульский К.В. Гоголь. Соловьев. Достоевский [Электронный ресурс]. URL: <http://ihave-book.org/books/259371/gogol-solovev-dostoevskiy.html> (дата обращения: 14.09.2015).
14. Набоков В.В. Лекции по русской литературе. М. : Независимая газета, 1996.
15. Трубецкой Н.С. Общеславянский элемент в русской культуре / Трубецкой Н.С. К проблеме русского самопознания. Л., 1927.
16. Чернышевский Н.Г. Эстетические отношения искусства к действительности [Электронный ресурс]. URL: <http://smalt.karelia.ru/~filolog/lit/ch118.pdf> (дата обращения: 14.09.2015).
17. Чижевский Д.И. Неизвестный Гоголь / Русские философы. Конец XIX — середина XX века. Антология. Сост. А. Филонова. М. : 1996. С. 296–324.

References

1. Annenkova E.I. *Gogol and Russian society* [Gogol' i russkoe obshchestvo]. SPb. : JSC Publishing House Rostok [ООО «Изд-во «Росток»], 2012. (rus)
2. Barabash Yu. «Doesn't know the language...», or Why Gogol wrote in Russian? [«Svoego yazyka ne znaet...», ili Pochemu Gogol' pisal po-russki?]. // Literature questions [Voprosy literatury]. 2011. N 1. (rus)
3. Belinsky V.G. *The letter to Gogol* [Pis'mo k Gogolyu]. M. : Publishing house of Imaginative literature [Izd. Khudozhestvennoi literatury], 1956. (rus)
4. Berdyaev N.A. *Spirits of the Russian revolution* [Dukhi russkoi revolyutsii] [An electronic resource]. URL: http://elib.spbstu.ru/dl/327/Theme_9/Sources/Berdajev_duhi.pdf (date of the address: 10.09.2015). (rus)

5. Vail P., Genis A. *Native speech: Lessons of graceful literature* [Rodnaya rech': Uroki izyashchnoi slovesnosti]. M. : Publishing house CoLibry, Azbuka-Atticus [KoLibri, Azbuka-Attikus], 2011. (rus)
6. Voropayev V.A. *Russian emigration about Gogol* [Russkaya emigratsiya o Gogole] [An electronic resource]. URL: <http://www.portal-slovo.ru> (date of the address: 07.09.2015). (rus)
7. Gogol N.V. *Complete works: in 14 v.* [Poln. sobr. soch.: V 14 t.]. M. : Publishing house of Academy of Sciences of the USSR [Izd-vo AN SSSR], 1952. (rus)
8. Humbold W. *Language and philosophy of culture* [Yazyk i filosofiya kul'tury]. M. : Progress, 1985. (rus)
9. Danilevsky G.P. *Acquaintance to Gogol (From literary memoirs)* [Znakomstvo s Gogolem (Iz literaturnykh vospominanii)] // Historical Bulletin [Istoricheskii Vestnik]. 1886. N 12. (rus)
10. Zenkovsky V.V. *Russian thinkers and Europe* [Russkie mysliteli i Evropa]. M. : Republic [Respublika], 1997. (rus)
11. Cantor V.K. *Russian classic or Life of Russia* [Russkaya klassika, ili Bytie Rossii]. M. : «The Russian political encyclopedia» [Rossiiskaya politicheskaya entsiklopediya], 2005. (rus)
12. Mann Yu. V. *Gogol. Book the third. End of a way: 1845–1852* [Gogol'. Kniga tret'ya. Zavershenie puti: 1845–1852]. M. : RSHU [RGGU], 2013. (rus)
13. Mochulsky K.V. *Gogol. Solovyov. Dostoyevsky* [Gogol'. Solov'ev. Dostoevskii] [An electronic resource]. URL: <http://ihavebook.org/books/259371/gogol-solovev-dostoevskiy.html> (date of the address: 14.09.2015). (rus)
14. Nabokov V.V. *Lectures on the Russian literature* [Lektsii po russkoi literature]. M. : Independent newspaper [Nezavisimaya gazeta], 1996. (rus)
15. Trubetskoy N. S. *Common Slavic element in the Russian culture* [Obshcheslavianskii element v russkoi kul'ture] / Trubetskoy N. S. On a problem of the Russian self-knowledge [K probleme russkogo samopoznaniya]. L., 1927. (rus)
16. Chernyshevsky N. G. *Esthetic attitudes of art towards reality* [Esteticheskie otnosheniya iskusstva k deistvitel'nosti] [An electronic resource]. URL: <http://smalt.karelia.ru/~filolog/lit/ch118.pdf> (date of the address: 14.09.2015). (rus)
17. Chizhevsky D. I. *Unknown Gogol* [Neizvestnyi Gogol'] / Russian philosophers. The end of XIX — the middle of the XX century. Anthology [Russkie filosofy. Konets XIX — seredina XX veka. Antologiya]. Coll. A. Filonova. M. : 1996. P. 296–324. (rus)